

Кризис - это суд. Над собой

Журнал Psychologies попросил меня кратко ответить на банальный, но неизбежный вопрос: как пережить нынешний кризис?

Кризис – это суд. Над собой

Общество вошло в период жесточайшего кризиса – прежде всего, психологического и морального. Как его пережить и выйти из него победителем? Об этом можно узнать из самого известного романа о кризисе - "Преступления и наказания" Достоевского. Вся наша история за минувший год проходит под знаком этого неотвратимого "и". Сначала роковой вопрос: тварь ли я дрожащая перед мировым сообществом, должен ли я соблюдать моральный и юридический закон, – или право имею? Я молод, силен, могу весь мир перевернуть, а той захудалой стране ее сокровища вовсе и не к чему, ей помирать пора, распадаться на части. По совести можно себе разрешить – и отобрать у нее эту жемчужину...

И вот, спустя несколько месяцев, этого переступившего сверхчеловека, сверхдержаву начинает трясти лихорадка, пустота и холод пронизывают до костей. Наступает чувство абсолютной отторженности от мира. Даже самые близкие вдруг отдалились, потому что разрыв связи с человечеством произошел в самом раскольщике, взявшемся за топор. Пока не раскается, не возьмет вину на себя, он обречен нести на себе проклятие пролитой крови.

2014 г. оказался годом страшного суда над Россией. Греческое слово "кризис" и означает "суд". Всем, кто застигнут кризисом, приходится преодолевать его внутренне, вглядываясь в основание своего характера и культуры.

Сочувствовал ли ты всеобщему порыву под разудалым лозунгом "всё - наше"? Ощущал ли ты прилив гордости при виде слабых и униженных и всплеск радости при известиях о чужих бедах? Слышал ли в своем сердце барабанный бой при кличах: "Танки на Киев", "Европу к стенке", "Победим Пиндостан", "Разгромим пятую колонну"? Надо вынуть из сердца эту занозу - убеждение, что мы лучшие, что мир перед нами в долгу и нас несправедливо обижают. Если поймем, что справедливо, а по грехам нашим еще и милосердно, тогда полегчает, - но только если не остановимся на полпути, не попытаемся опять схитрить и увернуться от кары/кармы.

Я на днях был на выставке Ансельма Кифера, у которого преобладает черная и пепельная тональность (даже в подсолнухах), а многие картины сделаны целиком из свинца. Нет более актуального художника для современной России, чем этот немец, который до сих обожжен историей своей страны (он родился в 1945). На одном из его полотен – портреты Канта, Фихте, Гете, Шиллера, Клейста, Вагнера на фоне битвы Германна, который героизировался в нацистской Германии. И они, эти великие, тоже прямо или косвенно причастны к трагедии "сверхнарода", гордого своим величием и разрешившего себе "кровь по совести".

Ансельм Кифер. Пути к мировой мудрости. Битва Германна (1976)

Российское общество нуждается в новом уровне самосознания, в критике даже таких "незыблемых основ", которые выражаются понятиями "народ", "победа", "подвиг", "земля", "Россия", "родина", "сила", "единство",

"целостность", "слава"... Казалось бы, что плохого в таких словах, как "великая Россия", "русский мир" или "Россия превыше всего"? Но подставим сюда, например, Германию – и поймем, почему для современных, вменяемых немцев невозможно так мыслить о себе в стране, вот уже семьдесят лет выздоравливающей от нацизма. А наше тоталитарное прошлое гораздо глубже, попытки же очищения от него были поверхностными и затрагивали лишь узкий слой общества. Двенадцати лет тоталитарного неистовства хватило Германии, чтобы опаматоваться, а Россия уже второй раз попадает в тот же капкан, из которого четверть века назад выбралась вроде бы невредимой, почти бескровно. Только теперь становится ясно, какие огромные задачи нам предстоят: не просто декоммунизация, но деархаизация общества.

Нынешний год – это время суда над всеми традициями и культурой. Над классиками, современниками, над нами самими. Либо обесмысливается все то, что делалось на протяжении трех веков после открытия окна в Европу, - либо стремление привить людям чувство свободы, достоинства, ответственности, сострадания должно как-то обрести историческую плоть, перейти из великих книг и литературных образов в бытие общества. Сейчас много говорят о "люстрации". Это слово – от латинского "lux", свет, и означает просветление, очищение. Нужна внутренняя, духовная люстрация, которая может затронуть многое из того, что нами любимо, даже у Гоголя, Достоевского, Блока, Маяковского, Пастернака, в их "скифских", кичливых, воинственных и обожательных мотивах. "Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы - мы! Да, азиаты - мы, С раскосыми и жадными очами!". Чем же тут гордиться? Придется всем нам, вслед за Пушкиным, с отвращением вглядываться в свою прошлую жизнь и горько лить слезы, пытаюсь смыть печальные строки. Среди них, увы, и "Клеветникам России" самого Пушкина: "Так высылайте ж к нам, витии, Своих озлобленных сынов: Есть место им в полях России, Среди нечуждых им гробов". Увы, когда правда в слезах покидает поэта, за нею, понурясь, уходит даже его великий дар.

Ольга Седакова мне возразила: не лучше ли сначала разогнать всю политическую нечисть, а уже потом заняться и классиками и выяснить, как и в чем они, наши светочи, могли способствовать этому мраку. Какие могут быть счета к Пушкину-Гоголю, когда нас окружают Гиркины, Дугины, Д. Кисилевы и их начальники? Но - не могу согласиться. Так и немцы могли бы думать:

покончим сначала с Гитлером и его сворой, а уже потом перечитаем Фихте, Клейста, Вагнера, Ницше и в демократическом обществе их обсудим, а кое за что и осудим. Но нет, не получается. Т. Манн в "Докторе Фаустусе" (1943-46) показал музыкальные и глубоко культурные истоки того демонического вдохновения, которое потом сметало целые народы и выстраивало Освенцим. Россия сейчас падает в такую историческую бездну, что ударяется о свое метафизическое дно. Политика перестает быть только политикой, поскольку задевает уже метафизический нерв существования страны, тот, где коренятся начальные и последние смыслы: отчего, куда, зачем? И речь не о том, чтобы осуждать Пушкина, Гоголя, Достоевского, - они свою великую миссию выполнили и, конечно, посеяли больше добра, чем зла. Речь о том, чтобы в самих себе найти те корешки зла, которые прорастали и через них, и через всю историю и культуру страны: в себе найти и из себя же выкорчевать.

Два извечно русских вопроса: "кто виноват?" и "что делать?" - получают теперь, на суде всего народа, неожиданные, но единственно возможные ответы: "Ты сам виноват" и "Делать нечего". Выход один: раскаяться, вернуть чужое, расплатиться по всем счетам, понести заслуженное наказание. Тогда-то и начнется другая жизнь... Но, следуя финалу "Преступления и наказания", это могло бы уже составить тему нового рассказа.

Ансельм Кифер. Пепельный цветок (1983 – 1997)

Оля, и мне хотелось бы так думать: сначала разогнать всю эту политическую нечисть, а уже потом заняться и классиками и выяснить, как и в чем они, наши светочи, могли способствовать этому мраку. Какие могут быть счеты к Пушкину-Гоголю, когда нас окружают Гиркины, Дугины, Д. Кисилевы и их начальники? Но - не могу согласиться. Так и немцы могли бы думать: покончим сначала с Гитлером и его сворой, а уже потом перечитаем Фихте, Клейста, Вагнера, Ницше и в демократическом обществе их обсудим, а кое за что и осудим. Но нет, не получается. Т. Манн в "Докторе Фаустусе" (1943-46) показал музыкальные и глубоко культурные истоки того демонического вдохновения, которое потом сметало целые народы и выстраивало Освенцим. Россия сейчас падает в такую историческую бездну, что ударяется о свое метафизическое дно. Политика перестает быть только политикой, поскольку задевает уже метафизический нерв существования страны, тот, где коренятся начальные и последние смыслы: отчего, куда, зачем? И речь не о том, чтобы осуждать Пушкина, Гоголя, Достоевского, - они свою великую миссию выполнили и, конечно, посеяли больше добра, чем зла. Речь о том, чтобы в самих себе найти те корешки зла, которые прорастали и через них, и через всю историю и культуру страны: в себе найти и из себя же выкорчевать.

Olga Sedakova Классику бы я оставила на потом. Ее уже в 90-ых всю демонтировали.

Оля, и мне хотелось бы так думать: сначала разогнать всю эту политическую нечисть, а уже потом заняться и классиками и выяснить, как и в чем они, наши светочи, могли способствовать этому мраку. Какие могут быть счеты к Пушкину-Гоголю, когда нас окружают Гиркины, Дугины, Д. Кисилевы и их начальники? Но - не могу согласиться. Так и немцы могли бы думать: покончим сначала с Гитлером и его сворой, а уже потом перечитаем Фихте, Клейста, Вагнера, Ницше и в демократическом обществе их обсудим, а кое за что и осудим. Но нет, не получается. Т. Манн в "Докторе Фаустусе" (1943-46) показал музыкальные и глубоко культурные истоки того демонического вдохновения, которое потом сметало целые народы и выстраивало Освенцим. Россия сейчас падает в такую историческую бездну, что ударяется о свое

метафизическое дно. Политика перестает быть только политикой, поскольку задевает уже метафизический нерв существования страны, тот, где коренятся начальные и последние смыслы: отчего, куда, зачем? И речь не о том, чтобы осуждать Пушкина, Гоголя, Достоевского, - они свою великую миссию выполнили и, конечно, посеяли больше добра, чем зла. Речь о том, чтобы в самих себе найти те корешки зла, которые прорастали и через них, и через всю историю и культуру страны: в себе найти и из себя же выкорчевать.

Кризис – это суд. Над собой.

Михаил Эпштейн

Журнал Psychologies попросил меня ответить на банальный, но неотвратимый вопрос: как пережить кризис? Я написал втрое больше, чем требуемые 2000 знаков. Напечатали. И все равно получилось скороговоркой...

Общество вошло в период жесточайшего кризиса – прежде всего, психологического и морального. Как его пережить и выйти из него победителем? Об этом можно узнать из самого известного романа о кризисе - "Преступления и наказания" Достоевского. Вся наша история за минувший год проходит под знаком этого неотвратимого "и". Сначала роковой вопрос: тварь ли я дрожащая перед мировым сообществом, должен ли я соблюдать моральный и юридический закон, – или право имею? Я молод, силен, могу весь мир перевернуть, а той захудалой стране ее сокровища вовсе и не к чему, ей помирать пора, распадаться на части. По совести можно себе разрешить – и отобрать у нее эту жемчужину...

И вот, спустя несколько месяцев, этого *переступившего* сверхчеловека, сверхдержаву начинает трясти лихорадка, пустота и холод пронизывают до костей. Наступает чувство абсолютной отторженности от мира. Даже самые близкие вдруг отдалились, потому что разрыв связи с человечеством произошел в самом раскольщике, взявшемся за топор. Пока не раскается, не возьмет вину на себя, он обречен нести на себе проклятие пролитой крови.

2014 г. оказался годом страшного суда над Россией. Греческое слово "кризис" и означает "суд". Всем, кто застигнут кризисом, приходится преодолевать его внутренне, вглядываясь в основание своего характера и культуры. Сочувствовал ли ты всеобщему порыву под разудалым лозунгом "всё - наше"? Ощущал ли ты прилив гордости при виде слабых и униженных и всплеск радости при известиях о чужих бедах? Слышал ли в своем сердце барабанный бой при кличах: "Танки на Киев", "Европу к стенке", "Победим Пиндостан", "Разгромим пятую колонну"? Надо вынуть из сердца эту занозу - убеждение, что мы лучшие, что мир перед нами в долгу и нас несправедливо обижают. Если поймем, что справедливо, а по грехам нашим еще и милосердно, тогда полегчает, - но только если не остановимся на полпути, не попытаемся опять схитрить и увернуться от кары/кармы.

Я на днях был на выставке Ансельма Кифера, у которого преобладает черная и пепельная тональность (даже в подсолнухах), а многие картины сделаны целиком из свинца. Нет более актуального художника для современной России, чем этот немец, который до сих обожжен историей своей страны (он родился в 1945). На одном из его полотен - портреты Гете, Шиллера, Клейста, Вагнера на фоне битвы Арминия, который героизировался в нацистской Германии. И они, эти великие, тоже прямо или косвенно причастны к трагедии "сверх-народа", гордого своим величием и разрешившего себе "кровь по совести".

Российское общество нуждается в новом уровне самосознания, в критике даже таких "незыблемых основ", которые выражаются понятиями "народ", "победа", "подвиг", "земля", "Россия", "родина", "сила", "единство", "целостность", "слава"... Казалось бы, что плохого в таких словах, как "великая Россия", "русский мир" или "Россия превыше всего"? Но подставим сюда, например, Германию - и поймем, почему для современных, вменяемых немцев невозможно так мыслить о себе в стране, вот уже семьдесят лет выздоравливающей от нацизма. А наше тоталитарное прошлое гораздо глубже, попытки же очищения от него были поверхностными и затрагивали лишь узкий слой общества. Двенадцати лет тоталитарного неистовства хватило

Германии, чтобы опамятоваться, а Россия уже второй раз попадает в тот же капкан, из которого четверть века назад выбралась вроде бы невредимой, почти бескровно. Только теперь становится ясно, какие огромные задачи не просто декоммунизации, но детотализации, деархаизации общества нам предстоят.

Нынешний год – это время суда над всеми традициями и культурой. Над классиками, современниками, над нами самими. Либо обесмысливается все то, что делалось на протяжении трех веков после открытия окна в Европу, - либо стремление привить людям чувство свободы, достоинства, ответственности, сострадания должно как-то обрести историческую плоть, перейти из великих книг и литературных образов в бытие общества. Сейчас много говорят о "люстрации". Это слово – от латинского "lux", свет, и означает просветление, очищение. Нужна внутренняя, духовная люстрация, которая может затронуть многое из того, что нами любимо, даже у Гоголя, Достоевского, Блока, Маяковского, Пастернака, в их "скифских", кичливых, воинственных и обожательных мотивах. "Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы - мы! Да, азиаты - мы, С раскосыми и жадными очами!". Чем же тут гордиться? Придется всем нам, вслед за Пушкиным, с отвращением вглядываться в свою прошлую жизнь и горько лить слезы, пытаюсь смыть печальные строки. Среди них, увы, и "Клеветникам России" самого Пушкина: "Так высылайте ж к нам, витии, Своих озлобленных сынов: Есть место им в полях России, Среди нечуждых им гробов". Увы, когда правда в слезах покидает поэта, за нею, понурясь, уходит даже его великий дар.

Два извечно русских вопроса: "кто виноват?" и "что делать?" - получают теперь, на суде всего общества, неожиданные, но единственно возможные ответы: "Ты сам виноват" и "Делать нечего". Выход один: раскаяться, вернуть чужое, расплатиться по всем счетам, понести заслуженное наказание. Тогда-то и начнется другая жизнь... Но, следуя финалу "Преступления и наказания", это могло бы уже составить тему нового рассказа.